

Бюро
ГАЗЕТНЫХЪ ВЫРЪЗОКЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Надеждинская ул., д. № 32.
Телефонъ № 61-59.
Названіе газеты

Мѣсто выхода

Дата

Театральные очерки.

Первобытное состояніе.

1.

Ученики и ученицы учительницы декламации, о которой я писалъ, напечатали въ газетахъ, что испытываютъ возмущеніе. И говорятъ такъ: онъ «зоветъ насъ учиться выразительному чтенію... къ мальчику, читающему на-распѣвъ рассказы о виконтахъ». Возмущаетъ учениковъ и ученицъ учительницы декламации то, что имъ, которые учились «символизировать литературные образы въ звуковые», есть чему поучиться у мальчика, «читающего на-распѣвъ». Презираютъ они «рассказы о виконтахъ, которые читаетъ мальчикъ. И говорятъ они, что «отъ этого взгляда (то есть моего взгляда на то, чему учить учительница декламации) одинъ шагъ къ полному уничтоженію школы вообще и къ обращенію человѣка въ дикое, первобытное состояніе».

У этихъ молодыхъ людей о культурѣ такое же понятіе, какое было у одного студента, который говорилъ, что «вѣровать въ Бога не культурно». Они такъ полагаютъ, что культурный—это обученный, тотъ же студентъ полагаетъ, что такъ какъ по науцѣ нельзя доказать бытія Божія, то человѣкъ, вѣрующій въ Бога, есть или плохо научившійся, или вовсе не учившійся, некультурный человѣкъ. Вѣра въ ученіе — не въ науку, потому что наука и ученіе разные вещи — у этихъ людей такова, что даже такая явно семантичная учеба, которую преподаетъ учительница декламации, покоряетъ ихъ. И имъ представляется, что посягнуть на нее — значитъ высказать взглядъ, отъ котораго «одинъ шагъ къ полному уничтоженію школы вообще и къ обращенію человѣка въ дикое, первобытное состояніе».

Между тѣмъ, культурный значитъ взрожденный, а не значитъ обученный, и въ этомъ смыслѣ мальчикъ, что читаетъ на-распѣвъ рассказы о виконтахъ, несравненно культурнѣе учительницы декламации. Культура мальчика — многовѣковая народная культура такого возраста, что ея корни въ Московской Руси, которая со-всѣмъ не была дикой, а была такой, что оставила величайшіе образцы живописнаго и словеснаго искусства, раскрываемые въ наши дни. Культура учительницы декламации — дурной актрисы — есть культура театральнаго кулиса, то-есть никакая культура. Мальчикъ малочуствъ; учительница декламации настолько чужда, что разговариваетъ про Канта. Но связь съ тѣмъ народомъ, что нѣкогда строилъ Рус-

скую землю сохранилось у мальчика — и отразилась на томъ, какъ онъ читаетъ, — а у учительницы декламации пресѣклась. Мальчикъ связанъ корнями съ землею; учительница декламации отбилась отъ земли и произрастаетъ на поверхности. Поэтому у мальчика есть органическіе древніе на-выки, которые онъ выкладываетъ въ свое чтеніе, а учительница декламации пуста — и только театральничаетъ и учитъ театральничать другихъ.

Разумѣется, что нельзя научиться такъ читать, какъ читаетъ мальчикъ, хотя и можно научиться подражать его чтенію. И, разумѣется, что не для того, чтобы ученики и ученицы учительницы декламации, подражая мальчику, зачитали какъ мальчикъ, я разсказалъ про мальчика. А разсказалъ потому, что неученое чтеніе мальчика, которому нельзя научиться, волнуетъ слушателей, а ученое чтеніе учениковъ и ученицъ учительницы декламации, которому можетъ выучиться каждый — нельзя слушать: такъ оно фальшиво. Отсюда выходитъ, что неученое чтеніе нельзя перенять, хотя и можно поддѣлать, а ученое чтеніе есть такое, которое по существу поддѣльное. Еще же выходитъ, что неподдѣльное чтеніе прекрасно, а поддѣльное чтеніе отвратительно. Но не выходитъ того, что нельзя и не надо учиться читать, а выходитъ только то, что нельзя и не надо учиться читать такъ, какъ учитъ учительница декламации.

Мальчикъ читаетъ торжественно, съ сознаніемъ важности дѣла, которое дѣлаетъ, и нѣсколько на-распѣвъ. Онъ не думаетъ о томъ, почему такъ читаетъ, и никто не учитъ его такъ читать. Онъ привыкъ чувствовать въ быту своею, въ томъ, что онъ должились въ немъ отъ древляго быта, — потому что его бытъ, сколь бы онъ ни мѣнялся, есть продолженіе древляго быта, — что чтеніе — актъ торжественный, что чтець — важный человѣкъ. Первое чтеніе, которое онъ слышалъ, было церковное, первая книга была божественная — отсюда на-стоящий, церковный ладъ въ его чтеніи. Между прочимъ, у мальчика въ чтеніи такъ звучитъ русскій языкъ — протяжный и полный, — что чтеніе учениковъ и ученицъ учительницы декламации (уже не говоря о томъ, какъ сама она произноситъ по-русски), рядомъ съ чтеніемъ мальчика кажется чтеніемъ иностранцевъ на русско-мъ языкѣ. У этихъ ученыхъ декламаторовъ пропадаетъ звуковая красота нашего языка, а она необыкновенна. Покойная В. О. Комиссаржевская, которая хорошо говорила по-русски, разсказывала, что въ Христіаніи, гдѣ она была съ бра-томъ, какой-то норвежецъ въ трамваѣ долго прислушивался къ ихъ разговору и наконецъ рѣшился спросить по-француз-

ски: на какомъ языкѣ говорятъ они? Когда онъ узналъ что говорятъ по-русски, то сказалъ: «какой удивительный, музыкальный языкъ!».

2.

Покойная Комиссаржевская была актрисой, жила театальною жизнью, играла въ послѣдніе годы роли отвлеченныя и средствами искусственными. Кажется такъ, что не было въ ея жизни и судьбѣ ничего схожаго съ жизнью и судьбою мальчика, читающаго о виконтахъ. Но въ ней, какъ въ мальчикѣ, который читаетъ на-распѣвъ, очень крѣпка была культура, то-есть не была она очень ученой, а была она очень народной, славянской женщиной. Когда она бывала среди людей, которыхъ не чинилась, и къ ней приходили минуты безза-ботности — она дѣлалась ужасно весела и безъ конца смѣялась и разсказывала. И тогда она дѣлалась такою, что — по звукамъ голоса, по манерѣ выговаривать слова, по манерѣ смѣяться и двигаться — становилась похожа на женщину изъ народа, скорее даже — потому, что въ тѣ минуты когда бывала весела, она неузнаваемо молодѣла — дѣлалась бойкой мѣщанской дѣвушкой. Можно сказать, что она возвращалась «въ первобытное состояніе», въ то, изъ котораго ее взростили покорнѣе. И кажется что если бы она въ тѣ минуты зачитала книжку, то это была бы книжка о виконтахъ и стала бы она читать ее съ важностью, торжественно и нѣсколько на-распѣвъ.

Вс. Э. Мейерхольдъ обучалъ Комиссаржевскую искусственному ритмическому чтенію, которое соответствовало тому «условному театру, который онъ съ ней пробо-валъ». Вс. Мейерхольдъ — не «учительница декламации» — но методъ его былъ такой же, какой у учительницы. То-есть онъ не пробуждалъ въ своей ученицѣ такихъ чувствъ, которые могли бы создать естественно такое чтеніе, какое ему было нужно — подобно тому, какъ мальчикъ естественно читаетъ на-распѣвъ, хотя чте-дѣ на-распѣвъ есть «условное», искусственное чтеніе, — а разяснялъ, почему ритмическое чтеніе соответствуетъ услов-ному театру, который онъ пробо-валъ.

То-есть дѣлалъ то же, что дѣлаетъ учи-тельница, когда разясняетъ, что «было утро» — надо читать громко и твердо, потому что утро — это ясность, свѣжесть, начало дня, а «былъ вечеръ» надо читать тихо и протяжно, потому что вечеръ — это сумерки, усталость, конецъ дня.

Вс. Э. Мейерхольдъ потому не пробуждалъ въ своей ученицѣ такихъ чувствъ, которые могли бы естественно создать такое чтеніе, какое ему было нужно, что самъ не вѣдалъ этихъ чувствъ, а своей «условной» театр-выдумалъ по заправочнымъ выдуманнымъ

образцамъ. Учительница декламации потому разясняетъ такіа вещи, которыхъ нечего разяснять — утромъ свѣтло, а вечеромъ темно и т. п., — что сама не можетъ ничего выдумать. Оба же они — и Вс. Э. Мейерхольдъ и учительница декламации — одинаково обучаютъ искусству не путемъ расчище-нія и варачиванія самобытныхъ чувствъ, изъ которыхъ творится искусство, а путемъ учебы выражать чувства, которыхъ чело-вѣкъ не испытываетъ. Учительница декла-мации полагаетъ свою науку въ томъ, что если люди читаютъ громко и твердо: «былъ вечеръ», то достаточно имъ разяснить, что вечеръ — это сумерки, усталость, близость къ покою — они станутъ читать тихо и протяж-но — и дѣло будетъ сдѣлано. Вс. Э. Мейерхольдъ полагаетъ свое искусство въ томъ, что если научить людей читать такъ, какъ онъ это придумалъ для «условнаго» театра, то выйдетъ искусство. Но въ то время, когда ученики и ученицы учительницы декламации читаютъ «былъ вечеръ» тихо и медленно, они такъ же ничего не чувствуютъ, какъ ни-чего не чувствовали тогда, когда читали «былъ вечеръ» громко и твердо. Ученикамъ же Вс. Э. Мейерхольда преподается такое чтеніе, котораго и нельзя чувствовать. Не потому, что оно «условно», не соответству-етъ тому, какъ люди разговариваютъ въ жизни (чтеніе мальчика тоже «условно: мальчикъ читаетъ не такъ, какъ говоритъ), а потому, что оно все придумано, а не взро-щено, что оно безъ корней, безъ культуры. Сѣрая учеба, которую знаетъ учительница декламации и разлушенное ученіе, которое прилѣпляетъ Вс. Э. Мейерхольдъ (потому и разлушенное, что это — трупъ, что его мало балзамировать) одинаково противны живой жизни. И одинаково неспособны создавать искусства, потому что искусство пере-насыщено жизнью. Тогда же, когда художе-ство особо отвлеченно, являетъ вещи, непохожія на жизнь — оно должно быть пере-насыщено жизнью особенно, чтобы убѣ-ждать.

Чтеніе мальчика такъ «условно», что со-всѣмъ не похоже на разговорное чтеніе. Но оно перенасыщено жизнью, потому что въ немъ передается слушателю не только то, что переживаетъ мальчикъ, когда чи-таетъ, а передаются слушателю — путемъ органическихъ культурныхъ навыковъ у мальчика — чувства, которыми жили люди, что читали такъ, много вѣковъ тому назадъ.

3.

Ученики и ученицы учительницы декла-мации, которые учились «символизировать», оскорбились тѣмъ, что можно не только срав-нивать ихъ ученое чтеніе съ чтеніемъ маль-чика, который читаетъ на-распѣвъ, а и ука-зывать на чтеніе мальчика, какъ на идеаль-нѣ, къ которому должно стремиться художе-ственное чтеніе. То есть это не въ томъ, чтобы художественное чтеніе непремѣнно

было на-распѣвъ, а въ томъ, чтобы оно было насыщено живыми чувствами со дна души, такими, въ которыхъ выражается то, что въ человѣкѣ варочено, а не то, чему онъ обученъ. Вс. Э. Мейерхольдъ желаетъ до-стигнуть «условнаго» — то есть особенно перенасыщеннаго жизнью — чтенія путемъ машинальныхъ приемовъ, вплоть до чтенія по музыкѣ, которое придумываютъ такіе же, какъ онъ, придумщики. Мальчикъ читаетъ такъ напѣвно, что легко положить на ноты его чтеніе. Но если положить на ноты чте-ніе мальчика и научить читать по этимъ но-тамъ учениковъ и ученицъ Вс. Э. Мейерхоль-да, то будетъ такая фальшь, которую не-выносимо будетъ слушать.

4.

Не только ученики и ученицы учитель-ницы декламации, а и театральные люди го-ворятъ, что это — то есть подобныя мысли — есть отрицаніе «школы» или «техники», или «формы», и только что не говорятъ, что есть «такого взгляда» одинъ шагъ къ обраще-нію людей въ дикое, первобытное состояніе». Но это совсѣмъ не отрицаніе школы или техники, или формы. Безъ техники и фор-мы не можетъ быть искусства; школу же нельзя создать изъ однихъ указокъ, а можно только создать учительницу декламации. По-сему и не было своей школы въ русскомъ театрѣ, а только теперь родилась: учитель-ница же декламации существовала издавна.

Что же до того, что ученики и ученицы учительницы декламации называютъ «перво-бытнымъ состояніемъ» (ибо правильно по-лагаютъ мальчика «первобытнѣе»), чѣмъ они, — ученые, по-ихнему «культурные»), то въ расчищеніи до грунта, до «первобытно-сти» человѣческой души состоитъ первая и самая громадная задача художника, на-правляющаго тѣхъ людей, которые пришли къ нему учиться художественному выраже-нію человѣческихъ чувствъ.

Учительница декламации — столь дурная актриса, что всю свою лекцію прочитала такъ, какъ представляютъ на плохихъ театрахъ. И какъ должно быть засорено чувство правды у учениковъ и ученицъ этой учительницы, чтобы не только у нея учить-ся, а даже защищать ее — такую фальши-вую! Но она знаетъ, чѣмъ она беретъ, что дѣлаетъ ея учебу такой, что будто бы она и нужна людямъ. Она назвала въ лекціи, среди знаменитыхъ режиссеровъ современно-сти, на Западѣ — Гюге и Фюкса, а у насъ Мейерхольда. Отъ Мейерхольда до учитель-ницы декламации, которая только дурная актриса — большое разстояніе. Но есть такое, въ чемъ они сходны другъ съ дру-гомъ — и это не въ томъ, или не только въ томъ, что они оба фальшивы.

Это въ томъ, что они оба отбилась отъ земли, произрастаютъ на поверхности.

П. Ярцевъ.